

DOI: 10.25178/nit.2023.2.12

Статья

Особенности функционирования дискурсива ну в башкирской монологической речи

Лилия А. Бускунбаева, Зугура Я. Рахматуллина, Гульназ Н. Ягафарова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования дискурсива русского языка “ну” в башкирской монологической речи. Анализируются и выявляются основные функции исследуемого дискурсива в процессе организации устного дискурса. Исследование выполнено на материале диалектных дискурсов башкирского языка, собранных в ходе экспедиционных выездов в 2023 г. по населенным пунктам Республики Башкортостан. Основной формой записи данных от информанта был выбран монолог. Общий объем исследованного материала — 250 диалектных текстов, где был выявлен дискурсив ну.

Проведенный анализ позволил установить высокий функциональный и прагматический потенциал дискурсива “ну” в башкирском языке. Он обеспечивает связность и целостность речи, маркирует исправления, заполняет непреднамеренные паузы, акцентирует внимание на информативном слове или фразе, усиливает значение последующего слова, придает эмоционально-оценочную окраску.

Также рассмотрены функциональные эквиваленты данного дискурсива в башкирском языке, способные реализовать аналогичную семантическую функцию в речи. В потоке речи дискурсив “ну” может заменить как междометия, местоимения, частицы, так и вводные слова и конструкции родного языка. Являясь характерной особенностью именно устной речи, он в качестве стилистического средства встречается и в художественных произведениях.

Ключевые слова: башкирский язык; русский язык; дискурсив; функциональный эквивалент; монологическая речь; кодовое переключение

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01343
<https://rscf.ru/project/23-28-01343>

Для цитирования:

Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., Ягафарова Г. Н. Особенности функционирования дискурсива ну в башкирской монологической речи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 166-178. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.12>

Бускунбаева Лилия Айсовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: buskl@yandex.ru

Рахматуллина Зугура Ягануровна — доктор философских наук, профессор отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: faia7@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: rishrinat@mail.ru

Features of the functioning of discursive marker *nu* in Bashkir monologue speech

Liliya A. Buskunbaeva, Zugura Ya. Rahmatullina, Gulnaz N. Yagafarova

Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

The article examines the peculiarities in the functioning of the Russian discursive word “nu” («ну») in Bashkir monologue speech. The purpose of the research is to analyze and identify the main functions of the studied discursive in the process of organizing oral discourse. The study was carried out on the basis of dialect discourses of the Bashkir language collected during expedition trips to settlements in the Republic of Bashkortostan. The monologue was chosen as the main form of the informants’ recordings. The total volume of the studied materials is 250 dialect texts that contain the discursive of nu.

The analysis made it possible to determine a high functional and pragmatic potential of the discursive of nu in the Bashkir language. It provides coherence and integrity of speech, marks corrections, fills unintended pauses, draws special attention to an informative word or phrase, enhances the meaning of a subsequent word, gives an emotional and evaluative color.

The article also discusses the functional equivalents of this discursive marker in the Bashkir language that are capable of implementing a similar semantic function in speech. In the flow of speech, the discursive of nu can replace interjections, pronouns, particles as well as introductory words and constructions of the native language. Being a characteristic feature of oral speech, it is found as a stylistic device in works of fiction.

Keywords: *Bashkir language; Russian language; discursive word; functional equivalent; monologue speech; code switching*

Financing

*The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-01343
<https://rscf.ru/en/project/23-28-01343/>*

For citation:

Buskunbaeva L. A., Rahmatullina Z. Ya. and Yagafarova G. N. Osobennosti funktsionirovaniia diskursiva *nu* v bashkirskoi monologicheskoi rechi [Features of the functioning of discursive marker *nu* in Bashkir monologue speech]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 166-178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.12>

BUSKUNBAEVA, Liliya Ajsovna, Candidate of Philology, Senior Research Associate, Department of Applied Linguistics and Dialectology, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: buskl@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3495-3742

RAHMATULLINA, Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Folklore Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: faia7@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9778-5243

YAGAFAROVA, Gulnaz Nurfaezovna, Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: rishrinat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4363-2940

Введение

Одними из приоритетных задач, стоящих на современном этапе развития любого общества, являются сохранение языка, передача лексического богатства родного языка от предыдущего поколения к последующему как самой большой ценности народа. Следовательно, язык требует бережного к себе отношения, нуждается в защите от отрицательных тенденций в виде неоправданных заимствований, несоблюдения орфоэпических норм, жаргонизаций и т. д. Носитель языка «обязан знать и беречь язык своего этноса, уметь на нем думать, читать, писать, свободно говорить, заботиться о его чистоте и в общении с представителями своей культуры не использовать в родной речи слова и фразы из другого языка» (Рахматуллина, 2004: 65).

Для российского полиэтничного общества, межнациональным языком общения которого выступает русский язык, характерен национально-русский билингвизм.

Проблема билингвизма, языковой ситуации в российских регионах рассмотрена во многих научных работах отечественных ученых (Каплунова, 2022; Атаев, Ибрагимова, 2022; и др.). В тувинской лингвистике также уделяется особое внимание данному вопросу. Лингвистами анализируется современное состояние языкового образования как билингвального в системе школьного образования Тувы (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021), функционирование тувинского языка в Туве, его сохранность, уровень языковой компетенции тувинцев, языковая преемственность (Серрээдар, 2018). Данная проблема характерна и для башкирского языка. В результате тесного и длительного контактирования двух народов — башкирского и русского — в башкирскую живую речь активно проникают иноязычные слова, относящиеся к неассимилированной лексике и имеющие лексические эквиваленты на родном языке. При этом все чаще наблюдается вытеснение исконных слов иноязычными словами. Как отмечает В. В. Кулундарий, «переключение языков имеет под собой реальные психолингвистические, социолингвистические и даже универсальные основания»¹.

Проблема неоправданного включения в речь иноязычных слов, то есть кодовых переключений, являющейся актуальной для всех национальных языков, нуждается в научном описании и многостороннем анализе на обширном языковом материале.

В живом общении башкир используются не только слова, относящиеся к самостоятельным частям речи другого языка, но и слова, являющиеся своеобразным «строительным материалом» в организации речи, либо придающие ей эмоционально-экспрессивную окраску — дискурсивы.

Материалом для нашего исследования выступили диалектные дискурсивы, записанные в ходе проведенных экспедиций по сельским населенным пунктам Республики Башкортостан в 2023 г., и данные, представленные в текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка².

В качестве основной формы записи данных от информанта был выбран монолог. Информантам предлагались темы, которые охватывают практически все стороны жизни сельского населения³ (семья, работа, учеба, постройки, хозяйство, жизнь села, дорога, погода, животный и растительный мир и др.) и позволяют выявить диалектную лексику и специфику местных говоров.

По нашим наблюдениям, в каждом устном дискурсе присутствуют примеры употребления кодовых переключений, представленные словами, словосочетаниями, предложениями, а также морфемами. Одним из таких наиболее часто встречающимся примером кодовых переключений в живой речи башкир является дискурсив *ну* общеславянского происхождения, вошедший через русский язык. Исследуемый дискурсив и в русском языке является самым частотным, что подтверждается данными

¹ Кулундарий В. В. Переключение языковых кодов на материале тувинского и русского языков, или тувинорусский код-микс (TUVRUSSIAN) // Инновационные технологии в профессиональном образовании: от компетентностной к культуротворческой парадигме: материалы Всероссийской молодежной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 48.

² Машинный фонд башкирского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Машинный фонд башкирского языка. URL: <http://mfb12.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).

³ Бускунбаева Л. А. Принципы сбора полевых материалов для диалектного корпуса башкирского языка // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: материалы II Международной научной конференции. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2019. С. 3–6.

из «Частотного словаря современного русского языка»¹. Он входит в сто самых употребительных слов, занимая 83 место.

Основным методом исследования является сплошная выборка расшифрованных текстов, в которых содержится дискурсив *ну*. Было отобрано 250 диалектных монологических дискурсов, где был выявлен исследуемый дискурсив. Общее количество употреблений данного дискурсива в анализируемом материале — 503, т. е. в среднем на каждый устный дискурс приходится по два дискурсива *ну* (2,01 дискурсива *ну* на один дискурс).

Для анализа дискурсива был использован также контекстный анализ, поскольку именно в контексте раскрываются основные оттенки дискурсива *ну*.

При транскрибировании диалектного материала в программе аннотации аудиозаписей ELAN кодовые переключения для их разграничения от исконно башкирских слов и заимствований с обеих сторон выделялись символом октогорп (#)², что существенно упростило и ускорило поиск нужных для исследования языковых единиц.

Дискурсивы как структурный компонент устного башкирского дискурса

В языке имеется класс вспомогательных единиц коммуникации, осуществляющий в потоке речи функции организационного и регулятивного характера. Несмотря на большое количество исследований как в отечественной, так и в зарубежной литературе, такие речевые единицы в лингвистической науке до сих пор не получили своей четкой и однозначной трактовки. Раньше ученые рассматривали их как слова-паразиты, не несущие никакой информации, засоряющие устную речь (Виноградов, 1947: 744; Щерба, 1957: 269; Зайнуллина, 2002: 201), и объясняли их появление в речи низкой речевой культурой говорящего³.

В свете новых исследований, основанных на репрезентативном корпусном материале, в том числе и на материале устной речи, отношение к таким речевым единицам существенно изменилось. Как отмечает В. А. Плунгян, «в языке все функционально, все для чего-то нужно. Если бы какой-то элемент языка ни для чего не был нужен, вряд ли бы он существовал»⁴. Такие речевые единицы в исследованиях лингвистов уже рассматриваются не как что-то лишнее в процессе речепроизводства, а как вспомогательный, но в то же время необходимый инструмент для построения дискурса, его реализации и восприятия (Викторова, 2014: 18; Дискурсивные слова ..., 2003: 3; и др.⁵). В отечественной лингвистике функционируют многочисленные термины для обозначения таких слов и конструкций. Они рассматриваются как дискурсивы (Викторова, 2015; Дыбо, Куканова, Егорова, 2019), дискурсивные слова (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993), дискурсивные маркеры (Смирнова, 2015; Блюднева, 2019; и др.⁶), прагматические маркеры (Горло, 2013), прагматемы (Богданова-Бегларян, 2014), дискурсивные частицы (Иванов, 2018) и т. д.

В данном исследовании будет использован термин *дискурсив* для обозначения таких вспомогательных коммуникативных единиц.

¹ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

² Символ переключения языковых кодов (с башкирского на русский язык).

³ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.; Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 2.

⁴ Плунгян В. А. «Ну» — одно из древнейших индоевропейских слов» [Электронный ресурс] // Постнаука, 2014. URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ Кибрик А. А., Подлеская В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // DIALOG2009: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям, 2009. URL: <http://dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).

⁶ Пазельская А. Г. Дискурсивный маркер или средство синтаксической связи: частица *та* в чувашском и татарском языках [Электронный ресурс] // DIALOG2002: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. 2002. <http://dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/pazelskaya/> (дата обращения: 14.02.2023).

Дискурсивы выполняют в речи факультативные функции, поскольку не влияют радикально на общий смысл и структуру предложения. Однако они «самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения важности, правдоподобности, вероятности, и т. п.» (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993: 7). Их отсутствие в речи делает речь не только неестественной, но и «оказывает влияние на развертывание высказывания и его интерпретацию»¹.

Ученые едины во мнении, что дискурсивы обладают транскатегориальным характером (Викторова, 2015: 56; Блюднева, 2019: 298). Они полифункциональны, следовательно, рассматривать их только как частицы либо междометия — значит сузить их широкий спектр значений и выполняемых функций в устной речи. В состав дискурсивов также могут входить и десемантизированные слова, «частично утратившие связь с денотатом и помогающие лучшей ориентации в дискурсе»².

В башкирском языке структура дискурсивов с точки зрения частеречной принадлежности достаточно разнообразна. В качестве дискурсивов могут выступать междометия: *ай, ой, уф, ух, абау* (выражают испуг, отвращение), местоимения (вопросительные, указательные): *ни* 'что; это самое', *шул* 'тот; всё', вводно-модальные слова и конструкции: *'нис шикһез* 'несомненно', *албиттә* 'конечно', частицы: *бит* 'ведь', *ук / үк* 'в достаточной степени, изрядно, довольно-таки', десемантизированные наречия и прилагательные: *шап* 'круто', *ысын* 'на самом деле, действительно', десемантизированные существительные: *шайтан* 'чёрт, бес' (при выражении сильной досады либо, наоборот, восхищения), десемантизированные глаголы: *белмәйем* 'едва ли, может быть, ой ли' букв. 'не знаю', *кара* 'смотри, смотри-ка' (при выражении удивления, восхищения; предупреждения) и т. д.

Дискурсивы в речи могут быть представлены как отдельными словами, так и составными конструкциями: *нис һүҙһез* 'безусловно', *куй инде* 'и не говори; к сожалению' букв. 'ставь уж; оставь уж' (выражает сожаление, жалость); *кит инде* 'и не говори; да брось' букв. 'уходи уж' (выражает возражение), *кит әле* 'да ну, неужели' букв. 'уходи-ка' (выражает удивление) и т. д.

В составе предложения дискурсивы характеризуются синтаксической автономностью (Schiffirin, 1987: 31; Смирнова, 2015: 181), выполняя не синтаксическую, а прагматическую функцию.

С точки зрения происхождения дискурсивы в башкирском языке можно разделить на исконные и заимствованные. В языке преобладают дискурсивы, представляющие собой исконно башкирские слова. В то же время большой пласт дискурсивов является ранними заимствованиями из арабского и персидского языков: *бәрәкәлла* 'ба, славно' (выражает одобрение, восхищение и похвалу); *бәрәкәт* 'ба' (выражает удивление) и т. д.; *ихтимал* 'возможно'; *дөрөс* 'верно; правда'. Выявлено и заимствование из русского языка *бит* 'ведь', являющееся одним из высокочастотных слов, как в башкирском письменном языке, так и в устной речи. Слово адаптировалось к фонологической структуре башкирского языка и воспринимается носителями языка как исконный. Наряду с общепринятыми словами, в устной речи башкир функционируют и окказиональные заимствования, имеющие эквиваленты и соответствия в башкирском языке. Анализируемый диалектный материал показал, что они представлены единицами русского языка: *вот, так, конечно, значит*. Одним из наиболее употребительных дискурсивов русского языка в башкирской устной речи выступает дискурсив *ну*.

Дискурсив-заимствование «ну»

В спонтанной речи башкир наряду с исконными дискурсивами активно употребляются и иноязычные дискурсивы. Такие неассимилированные заимствования могут быть «мотивированы не коммуникативными потребностями, а потребностью экспрессивности, представляя собой слова, наделённые аффективной нагрузкой»³. Одним из таких в башкирском языке является дискурсив

¹ Мишиева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): дисс. ... канд. фил. наук. М., 2015. 233 с.

² Малов Е. М., Горбова Е. В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». СПб.: СПИИРАН, 2007. С. 31–37.

³ Суходоева Т. Я. Языковые контакты в условиях активного доминирования мажоритарного языка над миноритарным: на примере взаимодействия луизианского варианта французского языка с английским языком: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Ульяновск, 2006. 23 с.

русского языка *ну*, несмотря на наличие исконных функциональных эквивалентов в родном языке. Данный дискурсив настолько проник в устную речь башкир, что воспринимается носителями как исконно башкирская речевая единица, что подтверждается его частотностью употребления.

Традиционно данный дискурсив в зависимости от передаваемого значения рассматривается как частица, междометие либо союз¹. Современные исследователи относят его к классу дискурсивов (Баранов, Плунгян, Рахилина; 1993; Ерофеева, Юшкова, 2021; и др.²). В исследованиях российских ученых внимание уделяется, прежде всего, особенностям функционирования дискурсива *ну* в диалогической речи, в то время как их роль в монологической речи не до конца выявлена и описана.

Данный дискурсив, как уже было отмечено выше, обладает высокой частотностью не только в русском языке, но и активно проникает в устную речь других контактирующих народов в результате непосредственного, живого общения с русским населением и вытесняет исконные единицы. Однако нами не выявлены исследования, посвященные данной проблеме в других языках. Лишь близкой по теме работой можно назвать исследование (Дыбо, Куканова, Егорова, 2019), в которой рассматриваются этимология, функционирование и семантика частицы *же* в калмыцком языке на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов.

Исследуемый *ну* зафиксирован в «Академическом словаре башкирского языка»³, где рассматривается как частица русского происхождения. В словаре выделено два его значения:

1. Употребляется при побуждении собеседника к ответу. Соответствует башкирскому *йә*;
2. Употребляется при выражении удивления, восхищения, беспокойства либо сожаления. Соответствует башкирскому *эй*.

Авторы статьи придерживаются мнения, что данный дискурсив в башкирском языке является окказиональным заимствованием, несмотря на его включение в «Академический словарь башкирского языка», поскольку в башкирском языке достаточно языковых средств для передачи соответствующих значений. Основной сферой употребления является устная речь, где у данного дискурсива довольно широкий спектр прагматических функций. В то же время в академическом словаре не были учтены все значения данной речевой единицы.

Дискурсив *ну* в процессе коммуникации может осуществлять как регулятивную функцию, так и организующую. Выполняя регулятивную функцию, исследуемый *ну* в спонтанной речи башкир позволяет информанту сфокусировать внимание реципиента на наиболее важной и информативной составляющей, коммуникативно и акцентуально выделяя ее; придать речи экспрессивности, эмоциональности, оценочности. Выступая в речи дискурсивом-организатором, выполняет связующую функцию.

Регулятивные функции дискурсива «ну»

Дискурсив-акцентив. Анализируемый материал показал, что зафиксированный в устных дискурсах дискурсив *ну* может употребляться в функции акцентива.

В спонтанной речи информант использует исследуемый *ну* для акцентирования, выделения последующих слов, которые с его точки зрения являются наиболее информативными в сообщении. Несмотря на выполнение в речи функции подчеркивания и акцентирования, дискурсив *ну* в спонтанной речи произносится безударно, а последующее за ним слово получает логическое ударение и выделяется повышением либо понижением тона голоса:

— *кыр өйрәктәре гилә //⁴ #ну# уларзы күргән бар инде // лит. кыр өйрәктәре килә // бына уларзы күргән бар инде // ‘прилетают дикие утки // ну их я видела //’*;

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с.; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com/> (дата обращения: 5.03.2023).

² Феденко П. В. Опыт контекстно-семантического описания дискурсивного маркера *ну* [Электронный ресурс] // DIALOG2002: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. 2002. URL: <https://dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/fedenko/> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Академический словарь башкирского языка : в 10 т. / под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. Т. VI: Л–Ө. С. 588–589.

⁴// — знак сегментирования повествовательного высказывания; / — знак сегментирования синтагмы.

— #ну# гөлийемеште аны бәләкәйзән жыйзыҕ инде // лит. **бына** гөлийемеште уны бәләкәйзән йыйзык инде ‘ну шиповник мы собирали с детства’;

— #ну# каймаҕ гел +булдинде¹ // лит. **бына** каймак гел булды инде // ‘ну сметана всегда была //’.

В анализируемом речевом материале зафиксирован также сложный дискурсивный комплекс, состоящий из двух дискурсивов ну и вот:

— #ну# #вот# күренеп тора #што# Учалы районында / ундый нейзэр / традицийалар #сахранятса# итмэгэн // лит. **бына** бит күренеп тора / Учалы районында / ундай низэр / традициялар һакланмаҕан // ‘вот сразу видно / что такие традиции в Учалинском районе не сохранились //’.

В данных примерах дискурсив ну соответствует башкирскому указательному местоимению *бына* ‘вот’.

Усилительный дискурсив. Информант в процессе речевого производства часто выражает определенную эмоцию (положительную или отрицательную) по отношению к сообщаемому им факту действительности. Дискурсив ну позволяет дополнительно усилить значение последующего слова и акцентировать внимание реципиента на нем. Сам дискурсив произносится безударно. Следующее за дискурсивом ну слово получает эмфатическое ударение, которое, усиливая эмоциональную составляющую слова, выводит его на центральную позицию в высказывании. Все другие слова произносятся относительно безударно.

Как показывает анализируемый материал, с помощью дискурсива ну и эмфатического ударения информант способен передать широкий спектр эмоций:

— **восхищение, восторг:**

— #ну# йаз айы беззэ матур // лит. **их** яз айы беззэ матур // ‘ну весной у нас красиво//’;

— #ну# киленкэй нык һэйб*эт² ине инде // лит. **эй** киленкэй нык һэйбэт ине инде // ‘ну невестка очень хорошей была //’;

— #нуу# тауы эйб*эт // #патамушты# йеләк #вис# шунда // лит. **уй** тауы һэйбэт // сөнки бар еләк шунда // ‘ну гора хороша // потому что вся земляника там //’.

Г. А. Исянгулова, исследуя междометия эмоциональной оценки, выражающие восхищение, наряду с исконными междометиями *ай, ай-һай, их, о, уй, эй, ай*, приводит и заимствованную единицу из русского языка ну (Исянгулова, 2016: 57);

— **осуждение, неодобрение:**

— [кыззар] ун йете / ун һигез йәштә кейәүгә барзылар // #ну# был малай ғына кәләш амай йөрөй // лит. [кыззар] ун ете / ун һигез йәштә кейәүгә барзылар // **эй** был малай ғына кәләш алмай йөрөй // ‘[дочки] вышли замуж в семнадцать / восемнадцать лет // ну этот сын только никак не женится’;

— #ну# уйзап та б*ирмәй киләсәген // лит. **ай-һай** уйлап та бирмәй киләсәген // ‘ну и не думает о будущем //’.

В башкирском языке оттенок осуждения, необходимости и упрека придают междометия *ай-һай, эй*.

— **сомнение, недоверие:**

— #ну# барзыр за инде ул / без аны хәзер белмәйб*ез зә инде ул // лит. **әллә** барзыр за инде ул / без уны хәзер белмәйбез зә инде ул // ‘ну есть наверное / но мы сейчас и не знаем’;

— өй баштанык // #ну# йылдарын бер зә иштәй алмайым // лит. өй башланык // **әллә** йылдарын бер зә исләй алмайым // ‘начали строить дом // ну годы постройки не могу вспомнить’;

— ну шулай микән // әйтмайым // лит. **ай-һай** шулаймы икән // әйтә алмайым // ‘ну так ли это // сказать не могу //’.

В башкирском языке маркерами сомнения, недоверия обычно выступают междометие *ай-һай* и неопределенная частица *әллә* ‘разве; то ли, или’;

¹ + — элизия.

² Билабиальный вариант согласной [б].

— **сожаление, жалость:**

— #ну# хэзер минең халдэн гимэй инде // арзы бирзе бэпкэ гөтөшэм инде // лит. **хай** хэзер минең халдэн килмэй инде // ары-бире бэпкэ көтөшэм инде // ‘ну сейчас мне внемоготу это // иногда присматриваю за гусятами //’;

— #ну# ыза күрзеләр инде балдарым // лит. **эй** ыза күрзеләр инде балаларым // ‘ну натерпелись же мои дети //’;

— #ну# килендэн уңманык // лит. **куй инде** / килендэн уңманык // ‘ну не повезло нам с невесткой //’.

В башкирском языке в качестве дискурсивов, выражающих оттенки сожаления и жалости, используются междометия *ах, ай, уф, хай, эй*. Нередки случаи употребления дискурсивных конструкций со следующими структурами *куй инде* букв. ‘ставь уж’ соотв. ‘и не говори; к сожалению’ (десемантизированный глагол *куйырға* ‘ставить, оставить что’ в императивной форме единственного числа + частица *инде* ‘уж’) либо *йә инде* (междометие, выражающее досаду *йә* + частица *инде* ‘уж’).

— **неприязнь, отвращение:** [комокалар] #ну# йаман #неприятны# була торғайны // лит. [комокалар] **фу** бик ерәнес була торғайны // ‘[пескари] ну очень неприятные были //’.

В башкирском языке неприязненное отношение к сообщаемому придают следующие междометия: *фу, аһ, эй, һэй*.

— **удивление.** В спонтанной речи данный дискурсив в сочетании с местоименными словами (*нимә* ‘что’, *ниндәй* ‘какой’, *нисек* ‘как’ и т. д.) либо наречиями, усиливая их значение, может выражать удивление, заменяя частицу *бына* ‘вот’:

— #ну# миңә нимәһе ғызык булды / олатайым был таузың исемен белмәйем тей инде // лит. **эй** миңә нимәһе кызык булды / олатайым был таузың исемен белмәйем ти инде // ‘ну что для меня было удивительно / дедушка сказал / что не знает / как называется эта гора //’;

— *нунисек улай килеп сыктикән?* лит. **ай-бай** / *нисек улай килеп сыкты икән?* ‘ну как так получилось?’.

В качестве функциональных эквивалентов дискурсива *ну*, придающего речи оттенок удивления, в башкирском языке выступают междометия *эй, ай-бай, ай-хай, аһа, бэй, ух*, частицы подтверждения с оттенками удивления *дабаһа / забаһа* (Грамматика современного ..., 1981: 329).

— **выражение интенсивности, сильной и высокой степени признака.** В сочетании с наречиями, усиливая их значение, заменяет в спонтанной речи *бик, нык* ‘очень; в сильной либо высшей степени’:

— *беззә йел нык көстө* / #ну# *нык көстө* // лит. *беззә ел нык көслө* / **бик** *нык көслө* // ‘у нас очень сильные порывы ветра / ну очень сильные //’;

— [олатайым] *әкейттәрен / көләмәстәрен* # *ну* # *кызығ итеп һөйзәй торғайн у шу хәтте* // лит. [олатайым] *әкиәттәрен / көләмәстәрен* **бигерәк** *кызык итеп һөйләй торғайны ул шул тиклем* // ‘[мой дедушка] ну интересно рассказывал сказки / анекдоты //’.

Организационные функции дискурсива «ну»

Дискурсив-организатор. Данный тип дискурсивов обеспечивает содержательную цельность и структурную связность, являющихся типологическими признаками любого дискурса. Дискурсивы могут быть направлены на организацию дискурса, обеспечивая последовательность и очередность изложения¹.

Как показывает анализируемый материал, исследуемый *ну* в определенной степени также может выполнять функцию дискурсива-организатора, выступая в качестве маркера начала и окончания смыслового фрагмента либо смены темы.

Основной задачей исследователей была запись спонтанной, заранее неподготовленной речи, следовательно, тема беседы информанту сообщалась непосредственно перед записью. В такой ситуации у информанта нет времени на планирование высказывания, поскольку процесс формирования мысли происходит одновременно с процессом речепроизводства, что неизбежно ведет к возникновению

¹ Борисова В. А. Семантико-прагматические аспекты категории вводности: дисс. ... канд. фил. наук. Тверь, 2020. 172 с.

непреднамеренных пауз, ошибок при выборе лексических или грамматических средств, употреблению оговорок и повторов, хезитативных и дискурсивных слов (Бускунбаева, 2021: 176).

При записи на заданную тему информант вначале собирается с мыслями и продумывает ответ. В последующем преимущественно начинает разговор именно с дискурсива ну (в большинстве случаев наблюдается удлинение гласного звука у: нуу), выступающего одновременно и маркером ввода, и хезитативом с функцией поиска.

Например:

— #нуу# / безең бер бөртөк көнө малайыбыз бар инде // лит. **ни** / безең бер бөртөк кенә малайыбыз бар инде // ‘нуу у нас есть один единственный сын //’;

— #нуу# / безең [ауыл] йылға б*уйында буғас / кышын һыуык була // лит. **ни** / безең [ауыл] йылға буйында буғас / кышын һыуык була // ‘ну поскольку наша [деревня] расположена на берегу реки / зимой бывает холодно //’.

В монологической речи исследуемый дискурсив часто маркирует завершение или подтверждение мысли, смену темы беседы:

— йәшел сыуған / салаттар / бөтә үзе үстерә торғаные инәйем // үзе генә бу*лса ла / иптәше үлеп китсә лә / бик шәп + бу*лдинәйем // #ну# // лит. йәшел һуған / салаттар / бөтә үзе үстерә торғайны инәйем // үзе генә булһа ла / иптәше үлеп китһә лә / бик шәп булды инәйем // **шул** // ‘зеленый лук / салаты / всё сама выращивала моя тетя // несмотря на то / что одна / муж умер / на все успевала // ну //’;

— анда русса һөйләшәләр / #детсадта# / баллар йортонда инде / #ну# // малай #Нижний Новгородта# эшләб* йөрөй // лит. унда русса һөйләшәләр / балалар баксаһында / балалар йортонда¹ инде / **шул** // малай Түбәнге Новгородта эшләп йөрөй // ‘там разговаривают по-русски / в детском саду / в детском доме / ну // сын работает в Нижнем Новгороде //’.

В данных примерах дискурсив русского языка ну соответствует указательному местоимению шул ‘тот’, выступающему в потоке речи в качестве дискурсива, указывающего на завершение беседы или смену темы.

В качестве маркера окончания смыслового фрагмента в речи информантов также встречается сложный дискурсивный комплекс ну и всё:

— эсәйем көн һайын инде төрлө аштар бешерә // төрлө картуф анда / #рашки# / рис анда // #ну и всё# // лит. эсәйем көн һайын инде төрлө аштар бешерә // төрлө картуф унда / тукмас / рис унда // **бына шулай** // ‘моя мама каждый день готовит разнообразные блюда // с картофелем там / рожки / рис там // ну и всё //’.

При маркировании начала смыслового фрагмента наблюдается восходящая интонация на дискурсиве ну и пролонгирование гласного с постепенным повышением тона, после которого делается небольшая пауза. При завершении либо смены фрагмента, наоборот, отмечается нисходящая интонация с резким понижением тона.

Маркер хезитации. В башкирском языке во избежание заминки или обрыва текущего фрагмента речи, помогающего заполнить возникшие во время речепроизводства паузы, употребляется вопросительное местоимение ни (Бускунбаева, 2021: 177). Дискурсив ну в спонтанной речи также может выполнять роль хезитатива для заполнения образовавшихся в процессе речепроизводства непреднамеренных пауз при возникшей проблеме у говорящего выбора нужной речевой единицы или продолжения высказывания. Часто сопровождается либо с последующим вербальным хезитативом ни (в разговорной речи форма ней) ‘это самое’, либо хезитативными паузами (абсолютными или заполненными):

— нуу (ы-ы) ней инде / бик озак көтөргә туры гилә // лит. **ни** инде / бик озак көтөргә тура килә // ‘нуу (ы-ы) это самое / приходится ждать очень долго //’;

¹ В данном примере информант некорректно исправил кодовое переключение детсад на балалар йорто ‘детский дом’ в м. балалар баксаһы.

— #нуу# / туй матур үтте инде ул // лит. **ни** / туй матур үтте инде ул // ‘ну / свадьба прошла хорошо //’; *эб*ейемдэр алп кайттылар козаларзы // нуу (ту) ней / туйзың тәртиб*е б*уйынса инде // ‘семья тети забрала сватов на ночевку // нуу (сва) это самое / по установленным правилам (по этикету) свадьбы’.*

Употребляясь в спонтанной речи, он предоставляет время информанту подобрать корректную для данного контекста речевую единицу либо сформулировать следующий фрагмент речи.

Е. В. Ерофеева и С. Е. Юшкова в своей исследовательской работе также указывают на возможность функционирования дискурсива *ну* в качестве заполнения пауз хезитации в проблемных участках речевого производства (Ерофеева, Юшкова, 2021: 17).

Маркер самокоррекции. Анализируемый материал показал, что исследуемый дискурсив может также употребляться и при самокоррекции. В процессе речевого производства информант по той или иной причине решает, что определенный фрагмент порожденного им высказывания не соответствует тому, что он намеревался произнести либо хочет уточнить, конкретизировать уже произнесенное им. В этом случае он прибегает к самокоррекции — незамедлительно реагирует на ошибку и в последующем исправляет неверный элемент корректным с помощью замены. В представленном ниже примере самокоррекции предшествует дискурсив *ну*, способствующий введению исправленного фрагмента в дискурс:

— *аш ашатырға / #ну# / бешереп ашатырға йаратам инде ғәйләмә // лит. аш ашатырға / **ни** / бешереп ашатырға яратам инде ғәйләмә // ‘мне нравится кормить семью супом / ну / готовить и кормить //’.*

Маркер противопоставления. В проанализированном материале выявлены примеры, в которых *ну*, будучи созвучным с противительным союзом *но*, в силу особенностей слоговой структуры башкирского слова не позволяющего ему оканчиваться на огубленный среднего подъема гласный [о], в действительности является используемым только в устной речи иноязычным союзом *но*:

— *ишеткәнем бар / #ну# күргәнем йук үзем // лит. ишеткәнем бар / ә күргәнем юк үзем // слышала / ну никогда не видела сама // (речь идет о волке);*

— *шу вағырак йәндектәр бар / #ну# эресе йук // лит. шул вағырак йәндектәр бар / ә эреһе юк // ‘вот более мелкие дикие животные есть / ну крупных нет //’.*

Дискурсив «ну» в художественных и фольклорных произведениях

Помимо устной речи, наличие дискурсива *ну* также было проанализировано в языковом материале, размещенном в лингвистических корпусах башкирского языка¹ с целью выявления частотности и стилистических функций. Данный дискурсив встречается как в текстах прозы, так и фольклора.

В корпусе прозы зафиксировано всего 1564 употребления исследуемого дискурсива, в корпусе фольклора — 10. Во всех зафиксированных примерах он используется исключительно при передаче речевой партии персонажей, придавая их речи эмоциональность, живость и естественность.

Большое количество дискурсива в прозаических текстах объясняется особенностями их композиционно-речевой структуры, включающей преимущественно авторское слово (повествование), прямую и косвенную речь (речь персонажа / персонажей). Речь персонажей в прозе максимально приближена к нормам разговорной речи для реалистичной передачи образа, следовательно, в ней широко используются характерные для разговорного стиля языковые средства, в том числе и регулятивные средства организации речи, обеспечивая ее связность. Дискурсив *ну* в прозаических произведениях позволяет передать различные смысловые оттенки либо эмоциональные реакции на действительность: *Был хәбарзе ишеткәс, бригада егеттәре уратып алды. — Ну, Йәмил, даның таралды былай булғас.* Б. Ноғоманов. ‘Услышав эту новость, парни из бригады окружили его. — Ну, Ямил, раз уж так, стал ты знаменитым’².

В корпусе фольклора зафиксировано всего 10 употреблений дискурсива (на 855 876 словоупотреблений), который преимущественно встречается в диалогах для передачи речи русского персонажа:

¹ Машинный фонд башкирского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Машинный фонд башкирского языка. URL: <http://mfbl2.ru> (дата обращения: 20.03.2023).

² Здесь и далее перевод авторов статьи.

Лукашканың әсәһе: «Ну, Хажи, мин захварал, бжалуйста мине кара», — тигә[н]. ‘Мать Лукашки сказала: «Ну, Хажи, я захворала, пожалуйста, осмотри меня»’. Дастан «Тулле Мамбет». Материалы фольклорных текстов свидетельствуют о том, что этот дискурсив, по нашему мнению, получил широкое распространение в башкирском языке относительно недавно.

Заклучение

Как показал анализируемый диалектный материал, дискурсив русского языка ну активно функционирует в живой речи башкир, несмотря на то, что в башкирском языке есть соответствующие данному дискурсиву слова. В потоке речи он способен заменить как междометия (*ай, аһа, эй, эй* и т. д.), местоимения (*бына* ‘вот’, *ни* ‘что’), частицы (*аллә* ‘разве; то ли, или’, *бик* ‘очень’ и т. д.), так и вводные слова и конструкции (*куй инде* ‘и не говори; к сожалению’, *йә инде* ‘вот тебе и на, вот тебе раз’) и т. д.

Опираясь на репрезентативный материал лингвистических корпусов по башкирскому языку, можно прийти к выводу, что данный дискурсив проник в речь башкир сравнительно недавно, поскольку частотность его употребления в произведениях устного народного творчества, содержащих древнейший пласт лексики, очень низкая. В корпусе прозы, включающего произведения начиная с 1917 г., наоборот, наблюдается частое употребление дискурсива ну, что свидетельствует о проникновении дискурсива через устную речь в литературный язык.

В последнее время проблемам устной речи как первичной и естественной формы языкового общения в лингвистике уделяется значительно больше внимания. Выявляются вспомогательные коммуникативные единицы, в том числе и иноязычные вкрапления, ранее остававшиеся в стороне от изучения, исследуются их функциональные особенности, что способствует пониманию механизмов образования грамотной речи и повышению культуры речевого общения.

Полученные данные и выводы в представленной работе могут стать основой для последующих исследований в данной области, поскольку проблема кодовых переключений, окказиональных заимствований является актуальной в условиях национально-русского билингвизма не только для башкирского, но и для отечественного языкознания в целом. Разработка лингвистических корпусов, в том числе и на материале устной речи, дает возможность исследовать данную проблему на обширном иллюстративном материале. Например, репрезентативный электронный корпус тувинского языка¹ позволяет обратить внимание на неисследованные либо спорные вопросы тувинского языка, в том числе и на проблему кодовых переключений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Атаев, Б. М., Ибрагимова, М. О. (2022) Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. (1993) Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры. 207 с.

Блюднева, А. А. (2019) Дискурсивный маркер *you know* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 19. Вып. 3. С. 298–304. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Богданова-Бегларян, Н. В. (2014) Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). С. 7–20.

Бускунбаева, Л. А. (2021) Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // *Oriental Studies*. Т. 14. № 1. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185>

¹ О проекте [Электронный ресурс] // Электронный корпус тувинского языка. URL: <https://tuvancorpus.ru/?q=content/o-proekte> (дата обращения: 20.03.2023).

Викторова, Е. Ю. (2014) Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // *Филология и человек*. № 4. С. 15–26.

Викторова, Е. Ю. (2015) Дискурсивы, специфические для устной научной речи (на материале лекций) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. № 4. С. 55–65.

Виноградов, В. В. (1947) *Русский язык: грамматическое учение о слове*. М. ; Л. : Учпедгиз. 784 с.

Горло, Е. А. (2013) К вопросу о лексических прагматических маркерах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 7–2 (25). С. 75–78.

Грамматика современного башкирского литературного языка (1981) / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука. 495 с.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство (2003) / сост. К. Кисилева, Д. Пайар. М. : Азбуковник. 207 с.

Дыбо, А. В., Куканова, В. В., Егорова, Н. Г. (2019) Частица же в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов) // *Oriental Studies*. Т. 12. № 6. С. 1176–1188. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>

Ерофеева, Е. В., Юшкова, С. Е. (2021) Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // *Социо- и психолингвистические исследования*. Вып. 9. С. 15–26.

Зайнулина, Г. Д. (2002) *Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию*. Уфа : БГУ. 280 с.

Иванов, В. Д. (2018) Критерии разграничения немецких модальных и дискурсивных частиц в отечественной и зарубежной лингвистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 3 (81). Ч. 2. С. 328–332.

Исянгулова, Г. А. (2016) Междометия, выражающие восхищение в современном башкирском языке // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. № 4 (31). С. 55–60.

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Рахматуллина, З. Я. (2004) *Этикет как ценность культуры*. Уфа : Гилем. 240 с.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Смирнова, В. В. (2015) Дискурсивные маркеры как отражение лингвокультурных традиций русского и английского языков // *Инновационная наука*. № 12–2. С. 181–184.

Щербя, Л. В. (1957) *Избранные работы по русскому языку*. М. : Учпедгиз. 188 с.

Schiffrin, D. (1987) *Discourse markers*. Cambridge : Cambridge University Press. x, 364 p.

Дата поступления: 24.03.2023 г.

Дата принятия: 20.04.2023 г.

REFERENCES

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Ataev, B. M. and Ibragimova, M. O. (2022) Spetsifika iazykovoï situatsii v mnogoiazychnom areale (na primere Rutul'skogo raiona Respubliki Dagestan) [Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutul'sky District of the Republic of Dagestan)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 106–113 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Baranov, A. N., Plungian, V. A. and Rakhilina, E. V. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo iazyka [Guide to discursive words of the Russian language]*. Moscow, Pomovskii i partnery. 207 p. (In Russ.).

Bliudneva, A. A. (2019) Diskursivnyi marker you know i ego funktsional'nyi perevod na russkii iazyk pri subtitrovanii i dubliazhe khudozhestvennykh fil'mov [Discourse marker 'you know' and functional approach to its translation into Russian in film subtitling and dubbing]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 19, issue 3, pp. 298–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Bogdanova-Beglarian, N. V. (2014) Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi: opredelenie poniatiia i obshchaia tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, issue 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.).

Buskunbaeva, L. A. (2021) Funktsionirovanie verbal'nogo khezitativa ni / nei 'eto samoe' v ustnoi monologicheskoi rechi bashkir (na materiale dialektnykh tekstov bashkirskogo iazyka) [Functioning of the verbal hesitation marker ni / nei 'whatchamacallit' in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts]. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 172–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185>

Viktorova, E. Yu. (2014) Diskursivnye slova raznogo tipa v ustnoi i pis'mennoi nauchnoi rechi [Discursive words of different types in oral and written scientific speech]. *Filologiya i chelovek*, no. 4, pp. 15–26. (In Russ.).

Viktorova, E. Yu. (2015) Diskursivy, spetsificheskie dlia ustnoi nauchnoi rechi (na materiale lektzii) [Discourse markers specific for spoken academic speech (based on texts of lectures)]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (36), pp. 55–65. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1947) *Russkii iazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: Grammatical teaching about the word]. Moscow ; Leningrad, Uchpedgiz. 784 p. (In Russ.).

Gorlo, E. A. (2013) K voprosu o leksicheskikh pragmaticheskikh markerakh [On question of lexical pragmatic markers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7–2 (25), pp. 75–78. (In Russ.).

Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo iazyka [Grammar of the modern Bashkir literary language] (1981) / ed. by A. A. Yuldashev. Moscow, Nauka. 495 p. (In Russ.).

Diskursivnye slova russkogo iazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo [Discursive words of the Russian language: Contextual variation and semantic unity] (2003) / comp. by K. Kisileva and D. Païar. Moscow, Azbukovnik. 207 p. (In Russ.).

Dybo, A. V., Kukanova, V. V. and Egorova, N. G. (2019) Chastitsa же v kalmytskom iazyke: etimologiya, funktsionirovanie i semantika (na materiale Natsional'nogo korpusa kalmytskogo iazyka i po dannym informantov) [Kalmyk particle 'же': Etymology, functioning and semantics (a case study of Kalmyk national corpus and informant discourse)]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 6, pp. 1176–1188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>

Erofeeva, E. V. And Yushkova, S. E. (2021) Diskursivnye slova v ustnoi spontannoi rechi: sotsial'noe, individual'noe i tematicheskoe var'irovanie [Discursive words in oral spontaneous speech: Social, individual and thematic variation]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniia*, issue 9, pp. 15–26. (In Russ.).

Zainullina, G. D. (2002) *Russko-bashkirskii terminologicheskii slovar' po iazykoznaniiu* [Russian-Bashkir terminological dictionary of linguistics]. Ufa, Bashkir State University. 280 p. (In Russ.).

Ivanov, V. D. (2018) Kriterii razgranicheniia nemetskikh modal'nykh i diskursivnykh chastits v otechestvennoi i zarubezhnoi lingvistike [Criteria for distinguishing German modal and discourse particles in Russian and foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (81), part 2, pp. 328–332. (In Russ.).

Isyngulova, G. A. (2016) Mezhdometiia, vyrazhaiushchie voskhishchenie v sovremennom bashkirskom iazyke [The interjections expressing admiration in modern Bashkir language]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (31), pp. 55–60. (In Russ.).

Kaplunova, M. Ya. (2022) Otsenka vospriiatiia iazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniia 2021 g.) [Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Rahmatullina, Z. Ya. (2004) *Etiket kak tsennost' kul'tury* [Etiquette as a cultural value]. Ufa, Gilem. 240 p. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Smirnova, V. V. (2015) Diskursivnye markery kak otrazhenie lingvokul'turnykh traditsii russkogo i angliiskogo iazykov [Discursive markers as a reflection of the linguistic and cultural traditions of the Russian and English languages]. *Innovatsionnaia nauka*, no. 12–2, pp. 181–184. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz. 188 p.

Schiffirin, D. (1987) *Discourse markers*. Cambridge, Cambridge University Press. x, 364 p.

Submission date: 24.03.2023.

Acceptance date: 20.04.2023.